

**«ИСТОРИЮ МОЖНО ВОССОЗДАТЬ ЛИШЬ... ПЕРЕЖИВ ЕЕ В СЕБЕ»
Размышления над книгой А. В. Гордона «Историки железного века»**

Речь идет о новой книге известного историка А.В. Гордона «Историки железного века». Книга состоит из девяти очерков, посвященных Г.С. Фридлянду, Я.В. Старосельскому, Я.М. Захеру, Б.Ф. Поршневу, Е.В. Тарле, А.З. Манфреду, В.М. Далину, В.С. Алексееву-Попову, С.Л. Сытину, А.В. Адо. Через призму научных биографий создается общая картина советского историознания Французской революции. В рецензии отмечается: 1) новаторство автора в создании особого историографического жанра, предметом его исследования является не только научная деятельность, но и жизненный мир его героев, укорененность их деятельности в повседневном бытии, жесткой социальной реальности; 2) особое внимание к революционной традиции, обеспечивающей внутреннее единство историографического процесса; 3) проблематизация фигуры самого автора-исследователя и биографа.

Ключевые слова: советская историография, Французская революция, революционная традиция, автопортрет автора, научная повседневность

Новая книга известного историка Великой французской революции и историографа Александра Владимировича Гордона была подарена мне автором, с которым историографическая судьба свела меня двадцать лет назад в Саратове на российско-французском коллоквиуме, с тех пор я заинтересованный читатель его работ, так как не только читаю курс отечественной историографии в университете, но и занимаюсь советской историографией как исследователь. Уже в предшествующей книге¹ о «динамике советского знания Французской революции» (С. 7) обозначился своеобразный подход Гордона к историографической методике, сосредоточенность на культурном и антропологическом аспектах, вырисовывался замысел осмысления феномена советской историографии с применением концепта «культура партийности».

В рецензируемой работе, которую автор считает необходимым дополнением, историография Французской революции предстает суммой экзистенций, личностных мирозерцаний, исследовательских и житейских практик целой когорты советских историков. Для Гордона, следуя известной метафоре «каждый человек-король», каждый участник историографического процесса важен и самоценен. Автор относится ко всем своим персонажам, независимо от масштабов дарования и вклада в науку, с искренним сочувствием, вживаясь в их судьбы и ситуацию.

Хотя историографические портреты ученых в единстве их жизненного пути, творчества и среды, которые предлагаются в книге, уже

¹ Гордон 2009.

вошли в исследовательскую практику, Гордон по существу конструирует новый жанр, раздвигая границы традиционной интеллектуальной биографии – образы историков воссоздаются не только через их труды и «большой» социокультурный контекст. Привлекается коллективная память – прежде всего коллег, к числу которых в большинстве случаев относится и сам автор, впечатления родственников, мнения современников, оценки представителей властных и репрессивных инстанций, художественная литература. Сущностно важным представляется использование самооценок персонажей книги.

Книга читается как художественное произведение, и разворачивающаяся на ее страницах драма людей и идей не может не волновать читателя. Критическую рефлексию дополняет эмоциональная составляющая, так что складывающийся жанр хочется назвать «сентиментальной историографией» с ярко выраженным исследовательским и личностным «Я» автора, озабоченного приданием историографии «человеческого лица».

Книга состоит из девяти очерков, посвященных Г.С. Фридлянду, Я.В. Старосельскому, Я.М. Захеру, Б.Ф. Поршневу, Е.В. Тарле, А.З. Манфреду, В.М. Далину, В.С. Алексееву-Попову, С.Л. Сытину, А.В. Адо. Некоторые главы представляют переработанные опубликованные ранее очерки, другие написаны вновь. Очерковое построение книги имеет как свои достоинства, так и недостатки. Из последних, пожалуй, наиболее бросаются в глаза неизбежные повторы – герои книги вспоминаются / воскрешаются порой через одни и те же жизненные и познавательные ситуации. Вместе с тем каждый из участников историографического процесса предстает в посвященной ему главе человеческой и творческой индивидуальностью, и, хотя их судьбы тесно переплетены, каждый, являясь человеком своей эпохи, обладает «лица не общим выраженьем».

Личностная доминанта исследования проявилась и в том, что автору пришлось изменить первоначальный замысел книги, начать которую он предполагал с конца 1950-х гг., но, как пишет, «случай или судьба свели меня с родственниками и друзьями Г.С. Фридлянда и Я.В. Старосельского... приблизили ко мне облик двух ярких представителей раннего советского историознания» (С. 7-8). Впрочем, и логика самого исследования подводила автора к мысли о невозможности понять советскую историографию, исключив ее ранний период, рассматривая его лишь как отклонение от «норм нормальности» исторической науки. И дело не только в неоднозначности самих этих норм. Становление и развитие отечественного историознания о Французской революции, неоднократно подчеркивает Гордон, единый процесс, и изучаем он должен быть во всей полноте своей крайне причудливой траектории, выходящей за пределы советского периода (в отношении континуитета с дореволюционной научной традицией особенно важна глава «Из школы Кареева в советскую историографию» об учителе автора Я.М. Захере).

Более того. Совершенно справедливо Гордон полагает, что историознание Французской революции является частью национально-культурной традиции, воссоздание которой «в ее глубокой целостности» понимается им «как истинно духовная задача», не решаемая лишь на уровне традиционного историографического анализа (с. 10).

Биографическая литературность и собственно историографическая аналитика (последняя, разумеется, важнее) соседствуют в рамках одного текста, содержательно совмещаясь, взаимодополняя друг друга. Автор работает в пространстве историографического фронта, предметом его исследования является не только научная деятельность, но и жизненный мир его героев, укорененность их деятельности в повседневном бытии, жесткой (часто жестокой) социальной реальности.

Основные характеристики научного и жизненного опыта персонажей книги предзаданы автором во введении: он как бы формулирует контекстуальные рамки, в которых протекала деятельность его героев: репрессии сталинского времени (им подверглись большинство персонажей книги), мощное, хотя и размывающееся с течением времени, идеологическое давление, «равнение в строю» в рамках корпоративной солидарности, стратегии самосохранения на крутых поворотах «генеральной линии» партии и попросту конкуренция за место и должность, когда классовый подход, по едкому замечанию одного из персонажей подменялся «кассовым». Но в то же время это и стимулирующая контекстуальность – революционная традиция. Этот воздух, которым дышали персонажи книги, пылкое желание сказать «свое марксистское слово» подвигали к научному прорыву в интенсивном исследовании социальных проблем, народных движений, типологии якобинской диктатуры.

Конечно, советское историознание может быть рассмотрено в разных ракурсах, содержание книги многослойно, но из смыслового контекста и следующих через весь текст фрагментарных рассуждений автора «по ходу» явствует, что в советское время в основе изучения Французской революции пребывала «многообразная и динамичная» революционная традиция, на которой держалось внутреннее единство историографического процесса, и последний может быть представлен как различные уровни/варианты ее бытования/пульсирования. В этом проявляются историографическое новаторство и научная смелость автора.

Ценностные ориентации, интеллектуальный опыт, определяемый этой традицией, выступают как связующее начало локальных познавательных ситуаций, «развертывания спиралей микроситуаций»². Эти ситуации и являют нам единство социального контекста, жизненного пути и – чему уделяется наибольшее внимание – динамики становления со-

² В терминологии Р. Коллинза. – см.: Коллинз 2002. С. 67.

ветской историографии Французской революции, формирования корпуса проблематики, дискурсивных рамок исследования.

Внимание, которое автор уделяет историкам 1920-х гг., объясняется не только понятным стремлением «стереть белое пятно», закрыть историографическую лауну, воздать должное подвижникам и мученикам науки. Трудоголики, восполнявшие упорным трудом недостаток систематического образования, знавшие по несколько иностранных языков, наделенные яростной энергетикой ниспровергателей/создателей традиций – автор не жалеет эпитетов при характеристике исследователей 1920-х гг. Но не это главное для историографа. Систематизация человеческого «материала» и вживание в особо интересующую автора эпоху позволяют объяснить, если даже в первом приближении, феномен когнитивной дерзости исследователей первого марксистского призыва, равно как и их трагический финал. Концептуализация истории Французской революции происходила уже на этом этапе – привилегированным предметом обсуждения становятся историческое значение и причины поражения якобинской диктатуры – «тест на подлинность якобинского демократизма», левые и правые, Термидор, теория и практика революционного действия, террор. И, разумеется, генетическая связь Французской и Российской революций.

Автор отмечает, как «дух ранней поры революционного марксизма» и дискуссии той эпохи оживают к 1960–1970-м гг., применительно к которым Гордон отчетливо фиксирует два концептуальных направления: господствовавшее якобиноцентристское, представленное лидерами отечественных франковедов Манфредом и Далиным, и другое, отстаивавшее роль социальных низов, городской бедноты и крестьянства (Захер, Сытин, Алексеев-Попов, затем Адо и сам автор). Приведя личную переписку, автор вспоминает, как Сытин, размышляя о судьбах социализма в России в последний период своей жизни, возвращался к традиции 1920-х. Подмечает, как дух той эпохи выразился в дерзком системосозидательстве Б.Ф. Поршнева.

Проблема революционной традиции как соотношение теории и политики вплетается автором в конкретные познавательные ситуации: «Для Захера – и это еще раз очевидно – марксизм оставался скорее идейно–политической, чем методологической позицией» (С. 135). И идейно–политической основой своеобразного «левого блока» между советскими историками и историками–марксистами на Западе при всех научно–теоретических коллизиях оставалась «верность революционной традиции, пиетет к французской и русской революциям» (С. 135–136).

Очень интересны приводимые автором архивные свидетельства неписываемости революционной традиции в прокрустово ложе официального марксизма, более того, стремления обходиться без привычной методологической поддержки: «Я теперь, – пишет В.С. Алексеев-Попов

Я.М. Захеру 26 октября 1962 г., – исхожу не из мысли Маркса, а из фактов истории самой революции» (С. 331). Уровнем бытования революционной традиции становится и неортодоксальная философия истории Б.Ф. Поршнева, представлявшего неповиновение принуждению, классовую борьбу универсальным носителем энергии исторического процесса.

В рамках советского историографического дискурса революционная традиция представлена автором в различных конкурирующих версиях – наиболее ярким проявлением этого, проникшим и в массовое сознание, являются два классических варианта освещения фигуры Наполеона Бонапарта в работах Е.В. Тарле и А.З. Манфреда (С. 227–280).

Революционная традиция, как показывает автор, подвергалась глубокой трансформации (и известной деформации), ее динамика, заодно с профессионализацией самой науки, постепенно освобождает революционную проблематику от тяжелой нагруженности политическими аналогиями (вспомним хотя бы знаменитую проблему Термидора). В такой ситуации, по замечанию американского историка науки Лорена Грехема, становится возможным руководствоваться внутринаучной мотивацией исследовательских процедур, не приводящей к автоматическому конфликту с системой³. Хотя подобные конфликты, конечно, были.

В рецензируемой книге прослеживается еще один значимый план – автопортрет автора. Большая часть его творческого пути прошла в пространстве того «железного века», в котором жили и творили его герои, и почти 20 лет приходится уже на другой век, отнюдь не «серебряный». Активный участник историографического процесса, Гордон, воссоздавая его, описывает учебу в Ленинградском университете, где наставником профессионализма стал профессор классической петербургско-университетской формации С.Н. Валк. Запоминаются перипетии вхождения в московскую академическую среду: поступление в аспирантуру Института истории, знакомство с мэтрами–франковедами, впечатления о защите диссертации, суждения и сомнения по поводу концептуальных расхождений. Таким образом, проблематизируется фигура самого автора/биографа. И, пожалуй, можно бы было поразмышлять о преодолении субъект-объектной дихотомии в современном историографическом письме, о «новой биографической истории»⁴ (монография Гордона безусловно отражает эти процессы), но мне представляется важным всмотреться в «автопортрет» историка, обнаружив в нем то, что явно не вербализуется – инстинкт профессии.

Гордон упоминает свои записи/впечатления (в т.ч. дневниковые) о встречах и беседах с историками, бережно хранит обширную переписку с коллегами, подаренные ему книги с автографами, встречается с род-

³ Цит. по: Наука и кризисы... С. 777.

⁴ Репина 2011. С. 286-324.

ственниками и знакомыми своих героев, записывает их воспоминания, выявляет ценные документы из семейных архивов, формируя таким образом свой профессиональный фонд. Скрупулезные и обширные примечания к главам содержат, конечно, и ссылки на архивохранилища (естественный атрибут профессионализма историка), но более поражают информацией о родственных связях героев и судьбе их близких, подобных фамильные «места памяти» ученых также попадают в поле зрения автора. Так выражает себя не только ремесло историка, но и глубокий интерес к человеку в истории, к способам сохранения памяти.

Многосторонне характеризуют автора вопросы, которыми он озадачивает и себя, и читателя – о соотношении научного капитала и репутации историка в советском варианте, о слагаемых корпоративной этики. Интересны в этом плане размышления о том, что значил успех в науке по-советски? Так, Гордон задумывается о различии научных и житейских траекторий однокашников из «школы Кареева» Я.М. Захера и В.В. Бирюковича. Более масштабна параллель между личностными стратегиями Б.Ф. Поршнева и его оппонента С.Д. Сказкина. Сказкин – академик, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета, окружен свитой учеников, но «на всю жизнь остался запуганным, капитулировав перед идеологическим каноном в виде воинствующего атеизма» (С. 212), и в конечном итоге не оставил монографии по любимой религиозной истории Средних веков. А дерзкий Б.В. Поршневу, «умирая, подавленный уничтожением в издательстве своего главного труда⁵ и провалом на академических выборах... мог... противопоставить жизненному успеху академика» убежденность в том, что «выполнил главное дело своей жизни» (С. 212).

Еще один сюжет книги – научная повседневность советского историка, приватная и публичная ее ипостаси, позволяющие прояснить ряд проблем, которые только начинают осмысливаться в современной историографии. Гордон приводит примечательные факты о формах патронажа в советской науке, как на уровне высокой власти, так и в отношении отдельных ученых и администраторов от науки (С. 119–120, 229–230, 390), об иерархических взаимоотношениях столичной и провинциальной науки, о контроле столицы «за научной карьерой кадров из провинции» (С. 316–317), о монополии центра в научно-организационной и издательской деятельности, о сложных коммуникациях между московскими и ленинградскими историками, о юбилеях и похоронах, о преемственности и забвении, о коллективных проектах, защитах диссертаций. Даже о литературных, художественных и житейских пристрастиях!

⁵ Поршневу 2007. Первое издание с изъятием важнейших глав было осуществлено спустя два года после смерти автора, в 1974 г.

Запоминается отразившийся в научном творчестве контрапункт литературных вкусов двух биографов Наполеона: увлеченность Е.В. Тарле Достоевским – любовь А.З. Манфреда к Тургеневу. Или характеристика Я.В. Старосельского, резко контрастирующая с образом революционного марксиста и подпольщика: «Завзятый театрал, фанатичный любитель оперы... приехав в Ленинград после первой “отсидки” не упускал случая для похода в оперу. Посетил он ленинградскую оперу и после второй “отсидки”, игнорируя возможность засветиться» (С. 67).

Есть упоминания о материальном положении персонажей книги. Оно было, несомненно, весьма различно и даже контрастно – от апартаментов Е.В. Тарле на Дворцовой до съемной комнаты в деревенской избе, а затем скромной квартиры Я.М. Захера в Петергофе, откуда тому, уже очень больному, приходилось в переполненных автобусе, электричке, троллейбусе добираться до Университета и БАНа на Васильевском острове. В переменчивое время случались превратности в жизни ученых даже с относительно благополучной в целом судьбой. Жизнь А.В. Адо, профессора ведущего университета страны, ученого с мировым именем, вырастившего за десятилетия научно-педагогической деятельности целую плеяду высококвалифицированных специалистов, в последние годы «буквально заедал», по колоритному выражению Гордона, катастрофически осложнявшийся быт. И все же, еще раз подчеркну, интерес к контексту не главное, это проясняющий фон к концептуальным опытам историков, отразившихся в текстах, и переплетением/отражением этого опыта в их драматических судьбах.

Представляя новую книгу читателю, замечу, что А.В. Гордону удалось преодолеть сопротивление и «смены вех», и «тропы отдаления и забвения». О последнем есть замечательные строки Бориса Пастернака: «Повесть наших отцов, / Точно повесть из века Стюартов, / Отдаленней, чем Пушкин, / И видится точно во сне»... В своей попытке «воссоздания полноты отечественного историознания Французской революции» Гордон преодолевает временные, смысловые, поведенческие барьеры, отделяющие его от предшественников, не только благодаря высокому профессионализму, но и благодаря роднящему его с героями повествования ощущению причастности к питавшей их традиции. Понимая всю масштабность и сложность задачи, сожалеешь что об историках Великой Российской революции подобная книга до сих пор не написана.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с. («Humanitas») [Gordon A.V. "Historians of the Iron Age", 2018. 448 p.]
Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 380 с. [Gordon A.V. Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoj istoriografii. M.: Nauka, 2009. 380 s.]

- Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального измерения. Новосибирск, 2002. 1281 с. [Kollinz R. Sotsiologiya filosofiy. Globalnaya teoriya intellektualnogo izmereniya. Novosibirsk, 2002. 1281 s.]
- Поршнеv Б.Ф. О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии /науч. ред. О.Т.Вите. СПб., 2007. 720 с. [Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoy istorii: Problemy paleopsihologii /nauch. red. O.T.Vite. SPb., 2007. 720 s.]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsialnyie teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Kруг, 2011. 560 s.]
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. 1040 с. [Nauka i krizisyi. Istoriko-sravnitelnyie ocherki. SPb., 2003. 1040 s.]

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

**«History can be restored only... by experienced it in itself»
Reflection on the book: Gordon A.V. “Historians of the Iron Age”**

This article is devoted to reflection on a new book by the famous historian of the Great French Revolution A.V. Gordon "Historians of the Iron Age". The book consists of nine essays dedicated G.S. Friedland, I.V. Staroselskomu, Ya.M. Zaheru, B.F. Porshnevu, E.V. Tarle, A.Z. Manfred, V.M. Dalin, V.S. Alekseev-Popov, S.L. Sytin, A.V. Ado. Gordon created a picture general picture of the Soviet historical studies of the French bourgeois revolution analyzed scientific biographies of this historians. The review notes, firstly, the author's innovation in creating a special historiographic genre. A.V. Gordon works in the space of the historiographic frontier, the subject of his research is not only scientific activities, but also the life world of his characters, rootedness of their activities in everyday life, harsh social reality. Secondly, the author of present paper marks of special attention to the revolutionary tradition that ensures the internal unity of the historiographic process. And finally, the problematization of the figure of the author-researcher and biographer himself is another feature of this book mentioned in the review.

Keywords: French Revolution, Soviet historiography, revolutionary tradition, revolutionary Marxism, self-portrait of the author, scientific everyday life

Valentina Korzun, Dr. Sc. (History), Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky, korzunv@mail.ru